

Ольга Карпович

Читайте в серии
РОМАНЫ ОЛЬГИ КАРПОВИЧ:

Младший

Моя чужая жена

Соперницы

Поцелуй осени

Идеальные любовники

Загушенный роман

Малая Бронная

Жена моего босса

Ольга Карпович

*Жена моего
босса*

ЭКСМО
МОСКВА
2014

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
К 26

Разработка серии
и иллюстрация на обложке — Озеров Студия

Карпович О.
К 26 Жена моего босса / Ольга Карпович. — М. : Эксмо,
2014. — 288 с. — (Покровские ворота. Проза Ольги
Карпович).

ISBN 978-5-699-69416-7

Любовь всегда приходит без предупреждения. Иногда она похожа на снайперский выстрел из засады. Руслану, побывавшему не в одной экстремальной боевой ситуации, пришлось испытать это на собственной шкуре. Но как быть, когда твое сердце крепко-накрепко привязано к той, любить которую ты не имеешь права, когда эта женщина — та, которую тебя наняли охранять, жена твоего босса?..

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-69416-7

© Карпович О., 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

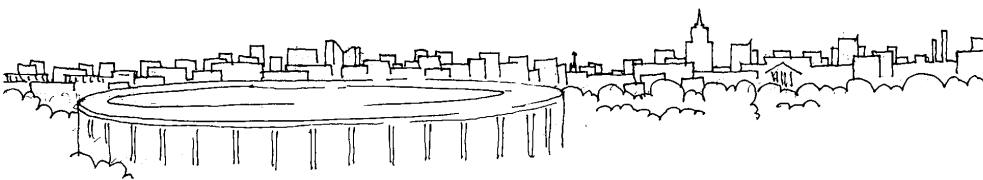
*«...Не потому, что от нее светло,
А потому, что с ней не надо света!...»*

1

За высоким, занимающим всю стену окном синело веселое небо. Чуть поодаль, у забора, тянулись вверх голые, покрасневшие ветки березы. Под темными елями еще серели островки снега, но на расчищенном газоне перед домом уже пробивалась первая молодая трава. Апрель набирал силу, звенел птичьими голосами, вползал в форточку весенними запахами влажной, оживающей земли.

Ольга, привычным движением вскинув руки, заколола светлые, волнами обрамлявшие лицо волосы и подошла к плите. Светлана, помощница по хозяйству, заранее завела тесто на оладьи, заправила кофеварку, расставила на столе хрустальные вазочки со сметаной и джемом. Ольга не слишком любила готовить, но в те редкие дни, когда вся семья собиралась в подмосковном доме, ей нравилось кормить домочадцев приготовленными ею самой завтраками.

Дом этот семь лет назад выстроил для семьи Чернецких модный московский архитектор, полностью скопировав им же принадлежавший особняк в пригороде Лондона. Разница заключалась лишь в том, что английский дом был подлинным викторианским

строением, подмосковный же оставался хоть и мастерски выполненной, но копией. Оле казалось, что даже мох, выглядывающий сквозь щели каменной кладки фасада, в Великобритании выглядит старинным и благородным, здесь же — просто неряшливым. Она бы предпочла выстроить под Москвой обычный, простой и удобный дом, без изысков. Но муж, настаивая, убеждал, что дети, привыкшие к английскому особняку, не должны испытывать дискомфорт, приезжая на родину.

Роскошный особняк Чернецких выглядел на фоне остальных домов поселка колоссом, Гулливером в стране лилипутов. Дом одним своим видом должен был демонстрировать соседям и просто любопытствующим, что здесь живет Большой Человек, которого нужно уважать и побаиваться.

Архитектор по заказу Миши выстроил корпус дома как бушприт корабля, при этом расположив его так, чтобы солнце, будто постоянно находясь в зените, всегда светило в окна. Но вот соседние участки круглый год пребывали в тени этого массивного, угнетающего строения. Само же убранство роскошного особняка Чернецких могло поразить любого гостя своей бросающейся в глаза помпезностью — шелковыми обоями, сверкающими хрустальными люстрами... Вся обстановка: антикварные резные статуэтки, купленные Мишей на аукционе, искрящиеся тысячами цветных искр хрустальные бокалы, когда-то принадлежавшие царской семье, — все кричало о том, что в этом доме правят балом большие деньги. И принадлежат они конкретно Мише Чернецкому, как и весь остальной мир.

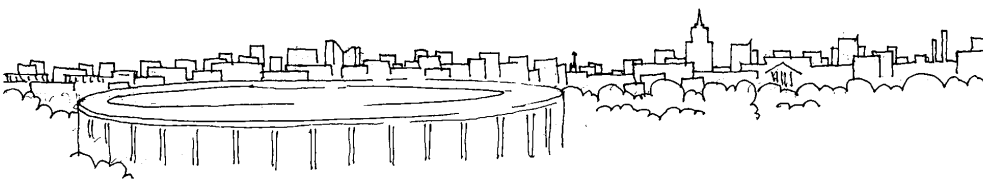
В большой светлой кухне рабочая зона была отгорожена от столовой полированной белой барной стойкой. Ольга поставила на плиту сковородку, масло в ней зашипело, растекаясь, тесто густо сползло с ложки, вскипая мелкими пузырьками, образуя золотистые, ароматно пахнущие оладьи на горячей, шкварчащей поверхности.

Мальчишки-близнецы, двенадцатилетние Пашка и Сашка, заспанные, вихрастые, в ярких дурацких пижамах с изображениями супергероев из комиксов, скатились по лестнице и требовательно загромыхали посудой на столе. Оля улыбнулась, бросив через плечо взгляд на их смешные, сделавшиеся за последний год долговязыми и нескладными фигуры. Взрослые дети... Как будто только вчера лежали в коляске двумя туго спеленатыми поленцами, морщили носы и ревели, требуя молока. А теперь... Майки натянуты на широченные костлявые плечи, длинные мосластые ноги лягают друг друга под столом, неловкие руки с еще по-мальчишески крупными кистями вот-вот столкнут со стола чайные чашки. Как молодые, нескладные, горячие и жадные до жизни жеребята!

— Вы хоть умылись, негодяи? — Ольга, смеясь, шлепнула Пашку, пытающегося из-за ее спины стащить со сковородки поджаристый оладушек.

— А че я? — обиженно отозвался Пашка, голос его то гудел басовито, то звенел дискантом. — Пусть Сашка первый.

Проводя большую часть года в Англии, в закрытой частной школе, мальчишки до сих пор не привыкли именовать друг друга на западный манер, чему Ольга была только рада.

— Так, мне все равно, кто там из вас будет первым. Но через десять минут чтобы оба сидели за столом чистые и красивые. А кто станет препираться, — обрвала она возмущенные возражения, — получит на завтрак овсянку, как в школе.

Через десять минут за покрытым белой крахмальной скатертью столом собралась вся семья. Пашка и Сашка с уже приглаженными рыжеватыми вихрами, толкаясь локтями, жадно хватали с тарелки оладьи. Аккуратно примостилась у края стола гувернантка детей, чопорная англичанка мисс Клэр. Гувернантка воспитывала мальчиков уже несколько лет, и Олин муж безоговорочно доверял этой нелепой некрасивой женщине и платил какие-то баснословные деньги. Вот, кстати, и он, позевывая, спустился по лестнице. Бросив на мужа быстрый взгляд, Ольга отметила, что одет он не по-домашнему, значит, собирается куда-то ехать.

Сорокасемилетний Миша Чернецкий (Оля была за ним замужем вот уже тринадцать лет) двигался плавно и быстро, но без суетливости. За счет фигуры — не слишком массивной и внушительной, но крепкой, ладной, жилистой — он, пожалуй, выглядел моложе своих лет. Лицо же — твердое, решительное, с суровыми складками у губ — выдавало истинный возраст. Его наполовину темные, наполовину седые — соль с перцем — волосы были зачесаны назад, открывая высокий лоб. Черные живые, глубоко посаженные глаза с чуть опущенными внешними уголками цепко смотрели из-под хищно изогнутых густых бровей, нос был крупным, но с благородной горбинкой, под-

бородок выдавался вперед, улыбка вкрадчивая, располагающая к себе.

Миша подошел к столу, привычно приобнял Ольгу, на мгновение задержал в руке ее запястье.

— Птичья лапка, — негромко произнес он, затем с комической учтивостью раскланялся с мисс Клэр и обернулся к мальчишкам: — А это что за оглоеды? Ну что, все смели, ничего папаше не оставили?..

Сыновья, относившиеся к отцу с каким-то щенячьим обожанием, радостно загалдели:

— Пап, садись быстрее, а то Пашка все сожрет. Смотри, он сразу по два в рот пихает.

— Слышь, ты за собой следи, придурок! Пап, не слушай его!

— Мальчики! Так вести себя не годится! — каркнула мисс Клэр.

— Слышали? — сверкнул крепкими белыми зубами Миша. — А ну-ка цыц, не позорьте отца!

Усевшись за стол, Миша приступил к завтраку. Но едва он успел отпить кофе и проглотить несколько оладий, как в кармане пиджака заверещал мобильный.

— Да, — бросил Миша в трубку. — Кирпичный, ты здесь уже? Давай заводись, я сейчас буду.

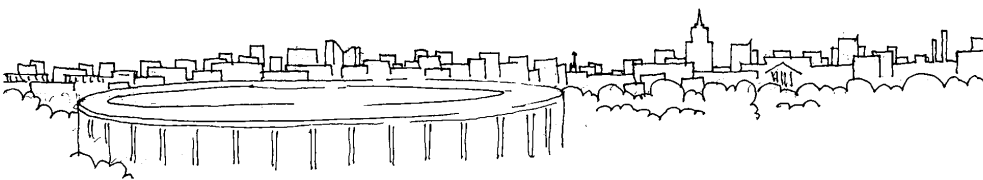
Он встал со стула, залпом допил кофе.

— Ты куда-то собираешься? — подняла глаза на мужа Оля.

— Мм, ага, труба зовет, — отозвался Миша, хватая на ходу еще один золотистый оладушек.

— Пап, ну ты на футбол обещал с нами сходить, — поймал его за рукав Сашка.

— Чего? Футбол? Это кто тут возникает? Ты, что ли, Голкипер Дырявые Штаны? Ну-ка, лови!

Миша лихо вытолкнул ногой из-под кресла футбольный мяч и точным движением послал его в сторону стола. Ольга невольно расхохоталась, глядя, как Сашка прыгнул на летящий мяч прямо со стула и грохнулся на пол, прижав его животом.

— Обещал — схожу, ты че, родному отцу не доверяешь? — щелкнул сына по макушке Миша. — Завтра, идет?

Он обернулся к Пашке, все еще поглощающему оладьи:

— А ты чего, все питаешься? Правильно, ешь-лопай, равняй морду с жопой!

Пацаны заржали, довольные. Мисс Клэр, отлично понимавшая по-русски, брезгливо поджала бесцветные губы.

— Когда тебя ждать? — спросила Ольга, поднимаясь и следуя за мужем к двери.

— Ох, ну все тебе надо знать, — белозубо усмехнулся Миша. На ходу притянув к себе жену, он быстро поцеловал ее в висок и в уголок бледно-зеленого глаза, провел пальцем по отливающим золотом ресницам. «До чего дотошная у вас мать, пацаны, плохо вы ее воспитываете!» — крикнул он сыновьям.

— Вернусь, как дела закончу.

Оля пожала плечами:

— Хорошо. Тогда я буду в клубе.

Мишины лохматые брови сошлись на переносице.

— Не надоело еще баловство это? — хмыкнул он.

— Не надоело, — твердо покачала головой Ольга. — И не надоест. Это мое дело, я сама его создала, своими руками, понимаешь?

— Понимаю, Олькин, ты у нас видный бизнесмен, — темные, глубокие Мишины глаза иронически блеснули. — Скоро будешь вместо меня всеми делами рулить, на стрелки ездить, базары с пацанами тереть, а?..

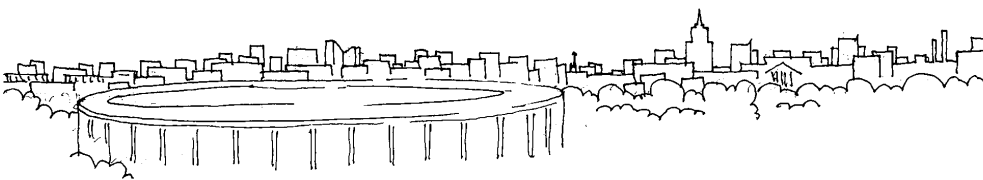
Ольга неприязненно поморщилась, хотела возразить, но Миша уже повернулся к выходу:

— Ладно, черти полосатые, все, ухожу. Ждите, вернусь!

Он скрылся за дверью. Оля, вернувшись за стол, рассеянно смотрела сквозь высокое окно, как Миша, спустившись с крыльца, подошел к черному «Гелендвагену», только что выехавшему из подземного гаража. С водительского сиденья ему навстречу выскочил здоровенный краснолицый мужик, Олег Кирпичников, начальник Мишиной охраны, бессменный телохранитель и правая рука мужа. Миша, усмехаясь, что-то бросил ему, опять, наверно, пошутил, потом распахнул дверцу машины, занес уже было ногу и вдруг отступил назад, скривившись. Что-то, вероятно, ему в автомобиле не понравилось. Наверное, отчитал Кирпичного за грязь в салоне, потому что Олег тут же, согнувшись в три погибели, полез в «Гелендваген», вытащил коврик и взмахнул им, намереваясь вытряхнуть мусор.

В ту же секунду за окном густо, тяжело грохнуло, тонко, жалобно зазвенели стекла, взметнулся черносерый столб дыма, жарко занялось оранжевое пламя. Не стало видно ни машины, ни стоявших возле нее людей.

Ольга вскочила из-за стола, стиснула руки, на мгновение лишившись дара речи. За ее спиной за-

визжала мисс Клэр. Мальчишки, опрокидывая стулья, бросились к окну, завопили, путая английские и русские слова:

— Папа!

— Dad!

Ольга, оправившись от шока, перехватила Сашку, летевшего во двор, уже у дверей, крикнула:

— Стой! Не смей туда соваться! Я сама...

— Мама, не ходи! — ухватился за ее руку Пашка. — Не ходи туда! Я боюсь, мам.

— Так. Ну-ка, успокоились все, — заставив голос звучать властно и твердо, произнесла Оля. — Не орите, с папой все хорошо, я уверена. Сидите спокойно, я узнаю, что произошло, и мигом вернусь.

Ольга метнулась к двери и столкнулась на пороге с Мишей. Лицо его было измазано черной копотью, глаза лихорадочно блестели.

— Пацаны, от окна, быстро! — скомандовал он. — Да жив я, жив, не визжите. Ты, мисска, как там тебя, в бога душу? Дуй с ними наверх, в детскую, и не высовывайтесь. Оля, в «Скорую» звони, живо. Олега зацепило.

Через несколько часов, отправив пострадавшего телохранителя в больницу, а жену с детьми посадив на ближайший рейс до Лондона, Миша Чернецкий сидел в кабинете у своего многолетнего друга и компаньона Ивана Муромцева. Старый друг, прошедший вместе с Мишей лихую мясорубку девяностых, еще недавно именовавшийся Ванька-Муромец, решил завязать с прежней жизнью и подался в политику. Новоиспеченный депутат сделался теперь Иваном Степановичем, опустил на лоб еще густой, пшеничный, с се-

диной чуб, на раздобревшие в последние годы плечи повесил мешковатый пиджак старомодного покроя и разговаривать начал медленно, велеречиво, с такими былинными присказками. Все эти перемены, вероятно, должны были создать Муромцу имидж простого рабочего парня, выходца из народа, и обеспечить доверие и любовь избирателей. Миша Чернецкий над такими метаморфозами подсмеивался, поддразнивая старого кореша:

— Ой ты, гой еси, добрый молодец, эко тебя жизнь-то перекоробила.

— Несовременный ты человек, Миша, елки зеленые, не гибкий, — обижался Иван Степанович.

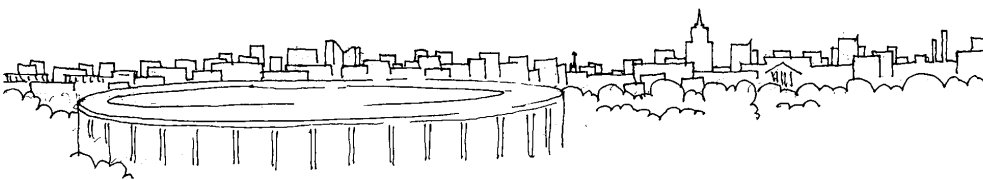
Сегодня, однако, обоим было не до шуток. Миша, мрачный, сосредоточенный, мерил шагами кабинет. Муромец, насупившись, ворошил на столе бумаги, зачем-то снимал и тут же клал на место телефонную трубку.

— Кто тебя заказал, не знаешь, не ведаешь? — вскинул он на Мишу бледно-голубые выпцветшие глаза. — Никаких соображений? Может, кому-то ты дорогу перешел?

— Да хрен знает, — дернул плечами Миша. — Что за падла может на меня пасть разевать? Всех особо борзых в девяностые положили... Главное, знал же, сука, что на «гелике» двадцать сантиметров брони, и взрывчатку прямо под коврик сунул, чтобы меня внутри салона разметало. Что же это за крыса такая, осведомленная о моей жизни? Может, Лелик Геворкян?..

— А что Лелик? — живо вскинулся Муромец.

Миша, раздумывая, сложил ладони вместе, прикусил крепкими зубами кончики пальцев.

— Да вышли там у нас с ним терки по Инвестбанку. Бля, ну, если это он, я его, падлу, урою! Ну ладно, торпеду мне на коврик прицепил, это хрен с ним. Но рядом же дети были, жена...

— Ну-ну, не кипишуй. Сейчас твои летят уже белыми лебедями в Англию. Тебе о себе теперь кумекать надо. Что у тебя с охраной?

— Да что... — Миша досадливо махнул рукой. — Кирпичный в больнице, полруки как не бывало. Жалко, хороший мужик. Ну, выплачу ему там компенсацию. Хотя этот говнюк и не заслужил, конечно. Это ж надо — допустить, чтоб в моем собственном дворе тачилу начинили!

— А может, он сам же ее и начинил? — вскинул водянистые глаза Муромец. — Может, Геворкян его перекупил да на кривую дорожку-то и толкнул?

— И че, Кирпичный сам себе руку отхватил? — скептически скривился Миша.

— Ну, знаешь, за хорошие бабули еще не то себе отхватишь, — зашелся сухим мелким смехом Иван. — Ты запись с камер-то посмотрел?

— Да посмотрел, — махнул рукой Миша, — ни хера там не видно. Я сто раз Кирпичу говорил: «Смени камеры».

— Вот видишь, — глубокомысленно поднял косматые брови Муромцев. — Ты Олега-то попытай, попытай...

— Ладно, попытаю, не бойсь, — оборвал Миша. — Хрен с ним, с Кирпичным. Мне-то теперь личку менять придется. И начальник охраны нужен новый. Лучше не местный, не московский, чтоб не париться потом, не работает ли он на Геворкяна или еще кого.

А профессионал чтоб классный был. И где, сука, его взять такого?

Иван Степанович сдвинул кустистые поседевшие брови, почмокал губами и объявил:

— Есть у меня один человечек на примете. Я его к тебе пришлю, покалякаете маленько. Может, чего и надумаете.

2

— Группа, на выход! — сквозь сон услышал он команду. Затем знакомый голос капитана Киреева добавил тише: — Пора, Руслан, подъем!

Он открыл глаза и какую-то долю минуты не мог понять, где находится. Потом вспомнил: он — Руслан Логинов, то есть нет, Умаров — взял фамилию отца незадолго до армии, девятнадцатилетний сержант, помкомвзвода в отдельном десантно-штурмовом батальоне. Уже второй год служит в Афгане, в особом десантном батальоне капитана Киреева. Группа занималась отдельными спецзаданиями, засекреченными от всех остальных. И спортивная подготовка бойцов из «бригады» Киреева была нешуточной. Так и попал молодой и порывистый сержант Умаров, кмс по дзюдо, на гражданке увлекавшийся восточными единоборствами, в руки Киреева. Из любого салаги, казалось, Киреев в силах вылепить бесстрашного, умного и расчетливого особиста, не то что из подтянутого, выносливого спортсмена.

До рассвета было еще далеко, поздно начинался рассвет в этих горах, в Баграме. Спустя несколько минут Руслан уже будил свой небольшой отряд — вот так же,

